

МЕЖДУ РЕЖИМОМ И СООБЩЕСТВОМ: ФУНКЦИИ ЭМОТИВОВ В КОММУНИКАЦИЯХ ИНДИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОНГРЕССА С ЭЛЕКТОРАТОМ И СТОРОННИКАМИ

Аннотация

Данная статья определяет, какие функции выполняют эмотивы — указания на эмоции, отраженные в дискурсе — в коммуникациях Индийского национального конгресса (ИНК) как общенациональной и зонтичной партии с широкой повесткой. Для анализа используется адаптированный для программных политических текстов сентимент-анализ, а также модификация моделей «эмоциональных режимов» Уильяма Редди и «эмоциональных сообществ» Барбары Розенвейн. Исследование приходит к выводу о том, что эмотивы, транслируемые ИНК, помогают поддерживать идентичности сторонников, интегрировать в повестку новую проблематику и стимулировать сильные эмоции у электората.

Ключевые слова: политические эмоции, эмоциональные сообщества, эмоциональные режимы, Индия, Индийский национальный конгресс, левоцентризм.

Автор

Матяшова Дарья Олеговна

Аспирант факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета
(Санкт-Петербург, Россия)

Введение

В 2024 г. в Индии пройдут общенациональные парламентские выборы. На основе результатов выборов в законодательные собрания штатов и президентских выборов нельзя дать точного прогноза о перспективах нового избирательного цикла. С одной стороны, победа Д. Мурму и получение Бхаратия джаната парти (БДП) 250 мест в законодательном собрании Уттар-Прадеша свидетельствуют о прочности электоральных позиций БДП. С другой стороны, в 2022 г. БДП проиграла местные выборы коалиции левых сил — МГБ — в Бихаре [9] и потеряла в Уттар-Прадеше 57 мест в парламенте, где местная социалистическая партия — Самаджвади парти — набрала 64 дополнительных места [1]. В 2023 г. ситуация с поражением БДП повторилась в Карнанаке, где победу одержал

ИНК, получив 135 из 224 мест в Законодательном собрании [14]. Усиление левых в Индии в преддверии нового избирательного цикла делает актуальным исследование их коммуникаций с электоратом.

Цель исследования заключается в том, чтобы определить, какие функции выполняют эмотивы — т.е., указания на эмоции, отраженные в дискурсе — в коммуникациях левоцентристского Индийского национального конгресса. ИНК выбран для анализа, поскольку продемонстрировал убедительный и самостоятельный успех в Карнанаке, а также из-за того, что является общенациональной партией с наиболее обширной повесткой. Предметом исследования является коммуникативная стратегия ИНК, объектом — место эмоций в политических коммуникациях.

В качестве ключевых методов исследования используются качественный и количественный контент-анализ, а также адаптированный для длинных целостных текстов политико-программного характера сентимент-анализ. Традиционный сентимент-анализ определяет эмоциональную окраску высказывания, фокусируясь на оценке автором предмета высказывания как позитивного или негативного, и используется для анализа «больших данных» и комментариев в социальных сетях [21]. Метод, использованный в данной работе, расширяет спектр выявляемых эмоций до 10 базовых, выделенных П. Экманом: страха, гнева, отвращения, печали, презрения, радости, гордости, удовлетворения, облегчения, и довольства [10. — С. 45].

В исследованиях, посвященных политическим коммуникациям, с 1990-х годов набирает популярность тема эмоций в политическом дискурсе. К наиболее фундаментальным работам, претендующим на выявление универсальных закономерностей, относятся труды У. Редди и Б. Розенвейн, в которых формируются концепции «эмоциональных режимов» и «эмоциональных сообществ». Их общей чертой является видение эмоций как социально обусловленного явления. У. Редди рассматривает эмоции как формирующиеся под давлением властных институтов способы выражения чувств [23. — С. 331], Б. Розенвейн — как продукт влияния идентичностей, сформированных внутри социальных групп, с которыми себя ассоциируют индивиды и ценности которых разделяют [26. — С. 1–31]. Несмотря на дихотомию «властное давление — инициатива разделяющего ценности индивида», данные модели могут дополнять друг друга, поскольку социальные группы могут оказывать давление на своих членов, если последние не разделяют их ценностей, а властные структуры могут, используя эмотивы, транслиро-

вать и продвигать необходимые идеи и ценности.

Выдвинутые У. Редди и Б. Розенвейн модели, уточняют, опираясь на кейс-стади, Э. Росс и Т. Халл, С. Кошут, Э. Хатчисон, Г. Коцур. Э. Росс и Т. Халл постулируют, что эмоции, ассоциативно связанные с политическим, конструируются лидерами в сферах политики и культуры [15. — С. 1357–1358]. С. Кошут отмечает, что власть конструирует общественные эмоциональные реакции, вписывая новое содержание в нарративы общественных движений [8. — С. 142]. Э. Хатчисон утверждает, что общественные установки и культура проживания эмоций воздействуют даже на личные политически обусловленные переживания, связанные с телесностью [16. — С. 8]. Г. Коцур формулирует схему транснациональной эмоциональной культуры, которую структурируют политические лидеры [2. — С. 55–58]. Данные подходы сосредотачиваются на формировании правил проявления эмоций со стороны властных структур, однако не анализируют субъекты, которые оспаривают власть или борются за нее.

Попытки решить эту проблему предпринимает ряд исследователей. Э. Эклунд, анализирующая функции эмоций для популизма [12. — С. 108–110], О. Эскобар, усматривающий в эмоциональной стратегии Б. Обамы на выборах 2008 г. «разрыв» с доминантой политического цинизма [13. — С. 109], Н. Макарова, сравнивающая официальный эмоциональный режим СССР 1930-х годов и личные переживания его жителей [4. — С. 238]. Б. Ричардс оспаривает способность современной политики вовлекать людей на эмоциональном уровне и считает главными конкурентами за внимание масс новостные медиа, сформировавшие эмоциональную культуру негативизма и раздробленности [24]. Тем не менее, эти работы сконцентрированы на западных дискурсах, а К. Кинвалл, рас-

смастривая маскулинизацию политики при Моди, анализирует с помощью эмотивов популизм [20. — С. 283], а не само взаимодействие с избирателями через эмотивы. Данные теоретические лакуны стремится восполнить предствленная работа.

Современные работы о коммуникациях ИНК с избирателями сосредоточены на факторе социальных сетей и мессенджеров в контексте соперничества с БДП [25. — С. 153–155] [7. — С. 221–238], использовании визуальных образов, слоганов и местной прессы [19. — С. 1–37], особенностях коммуникаций отдельных партийных деятелей — Ш. Тхарура и М. Кхарге [3] и не затрагивают измерение эмоций, что также придает данному исследованию научную новизну.

Функции эмотивов внутри и вне «эмоциональных режимов»

Эмотивы представляют собой дискурсивные указания на переживаемые эмоции. Хотя сами по себе эмоции универсальны и свойственны людям в целом, нахождение эмотивов в дискурсе подразумевает их культурную обусловленность: они артикулируются и интерпретируются в определенном, присущем культуре в данном регионе и в данный момент контексте. С другой стороны, эмотивы ценностно обусловлены, потому что эмоции представляют собой зависимые от личностных ориентаций и индивидуальных психологических особенностей реакции на внешний мир.

Культурная и ценностная обусловленность эмотивов позволяет помещать их в дискурсы об идентичностях, за счет регулярных культурных практик ассоциативно связывать их с теми или иными идентичностями и закреплять эти ассоциации через институты и практики — например, в школах на уроках истории, где обращение к эмоциям используется для конструирования национальных или региональных

идентичностей [22. — С. 4–7], в медиа для формирования дискурса о Других и о собственном политическом сообществе, которые осмысляются через травмирующее событие [17. — С. 74], в общественных объединениях, возникающих в ответ на дискурс, способствующий угнетению членов этих объединений [27. — С. 381–382]. Во всех перечисленных случаях эмотивы в связке с социальными практиками выполняют функции поддержания идентичностей и обеспечения их стабильности в условиях постоянных коммуникаций с конкурирующими дискурсами.

У У. Редди под эмотивом подразумевается речевой акт, выражающий эмоции и транслирующий их в дискурсе, в широком смысле. В рамках «эмоционального режима» — практик государства по поощрению одних проявлений эмоций и подавлению других — эмотивы начинают выполнять функции предписывания одобряемого поведения (через публично транслируемые политиками дискурсы), выявления лояльных и нелояльных объектов властного принуждения и в конечном итоге закрепления власти в руках государства [23. — С. 331]. Выполняя данные функции, эмотивы также способствуют стабилизации существующих институтов и властных отношений. При этом инструментализации могут подвергаться как эмотивы, которые нацелены на стимулирование желательных для власти эмоций и настроений, так и эмотивы, связанные с эмоциями противоположного спектра — для «смещения фокуса» или канализации негатива в безопасные для власти формы протеста.

Тем не менее, эмотивы транслируют не только властные институты. Несмотря на культурную обособленность, эмотивы как средства самовыражения и выражения своей реакции на внешнюю среду остаются доступны всем участникам дискурса, в том числе тем, кто не располагает властью. Примером

являются участники протестов «арабской весны» — неоднородная группа с различными социально-политическими требованиями, члены которой манифестовали гнев через призывы «зажигать огонь в нутре и ковать железо в груди» [11. — С. 186–203]. Другим примером являются российские и советские политические анекдоты, где присутствует речевая агрессия — проявление злости — по отношению к их действующим лицам [6. — С. 119]. Эти анекдоты циркулируют среди различных общественных групп, чьи политические позиции могут не совпадать.

Кроме того, противовесом конструируемого властью «эмоционального режима» и унификации идентичности через его построение могут становиться «эмоциональные убежища» — сообщества индивидов, разделяющих эмоции и способы их выражения и поддерживающих друг друга в этом. По мере укрепления внутренних горизонтальных связей «эмоциональные убежища» получают возможность противостоять «эмоциональному режиму» власти: например, в СССР 1930-х годов, несмотря на стимулирование трудового энтузиазма сверху, рабочие заводов Дона и Кубани открыто проявляли свои отрицательные эмоции по поводу условий труда и заработных плат, осознавая, что их эмоции разделяют другие [5. — С. 90–93].

Трансляция эмотивов не имеющими власти и не определившими себя как политически едиными субъектами, факты противодействия официально продвигаемым «эмоциональным режимам» и возможность формулировать эмотивы в личных и общественных «убежищах» свидетельствуют о том, что у эмотивов есть дополнительная функция вне режимов. Эта функция заключается в утверждении себя как автономного субъекта, заявляющего о себе с помощью выработанных в ходе рефлексии или общения с единомышленниками инструментов. Если эмотив при этом является реакцией

на политический стимул, происходит утверждение субъекта в качестве политического актора.

Такому утверждению могут противодействовать, с одной стороны, «эмоциональные режимы», с другой — сформированные и утвердившиеся идентичности. Данные системы используют эмотивы для собственной внутренней стабилизации и поддержания своего места в общественных структурах. В результате альтернативные эмотивы или «консервируются» в «убежищах», или подвергаются общественному осуждению и вытесняются из дискурса.

Тем не менее, когда устойчивость идентичностей и «эмоциональных режимов» оказывается под угрозой, альтернативные эмотивы получают новые импульсы к трансляции. В результате начинают воздействовать на тех, кто не чувствует связи со старыми эмотивами, которые ассоциируются с кризисными идентичностями и режимами. Это запускает формирование новых идентичностей и режимов, однако на этапе формирования эмотивы не только способствуют противопоставлению и обособлению осознавших себя субъектов, но и конструированию ассоциативных цепочек. Эти цепочки, в свою очередь, могут быть интегрированы из старых идентичностей.

Таким образом, функции эмотивов в политических коммуникациях двойственны. С одной стороны, они используются для подкрепления и стабилизации идентичностей и для усиления власти государства за счет формирования «эмоциональных режимов». С другой стороны, универсальная доступность эмотивов как инструментов коммуникации и выражения отношения к миру делает их инструментами для артикуляции и утверждения субъектности политического актора. В условиях кризиса идентичностей и режимов это создает «окно возможностей» для формирования новых. Тем не менее, на этом этапе эмотивы могут быть

«связующим звеном» между старыми и новыми дискурсами, адаптируя и примиряя их на уровне ассоциаций.

ИНК как эмоциональное сообщество, выстраивающее эмоциональный режим

Специфика партий в контексте производства и продвижения политических эмоций заключается в том, что они, являясь эмоциональными сообществами, стремятся к расширению своего влияния. Для этого им требуется, с одной стороны, постоянно интегрировать в свою повестку новые политические сюжеты и подкреплять их ценностной оценкой через эмотивы. С другой стороны, партии — это структурированные объединения, добивающиеся политической власти и имеющие общую идеологию, что требует от них выстраивания единого связанного нарратива и единой системы реагирования на политическую действительность — т.е., выстраивать эмоциональный режим. Эта задача усложняется для зонтичных партий, от которых требуется одновременно обеспечивать дисциплину и способность реагировать на актуальные вызовы, а с другой стороны, сохранять пространство для дискуссий на тему идеологии.

В результате в партиях ключевые функции эмотивов — это поддержание идентичности сторонников, создание «связующих звеньев» между старыми и новыми политическими проблематиками, отраженными в дискурсе, и вовлечение потенциальных сторонников за счет стимулирования у них сильных эмоций.

Данная специфика ярко прослеживается в коммуникативной стратегии ИНК. Тексты, посвященные актуальным инфоповодам внутренней и внешней политики — приближению авиации НОАК к воздушным границам Индии в июне 2022 г. (“PM Modi’s *Laal Ankh* - Blind to Chinese aggression”), падению рупии в марте и мае 2022 г. (“The fall of

Indian Rupee”), военной реформе, ограничивающей срок службы новобранцев (“Agnipath — a Deceit”), международной реакции на высказывания депутатов от БДП о пророке Мухаммеде (“BJP defames India”), партийному конгрессу и принятой на нем декларации (“Udairpur Nav Sankar — Towards a better tomorrow”), самоубийствам фермеров в Пенджабе (“Betrayal of Annadatas’ — AAP’s Punjab model”), разоблачению политики компании М. Цукерберга Ф. Харен (“Social media — BJP’s tool for hate”), а также длительным процессам и явлениям — судебному процессу над С. И.Р. Ганди по обвинению в отмывании денег (“National Herald case”) и риторике ненависти среди националистских движений (“The chronology of BJP’s hate politics”) [18] — отличаются высокой эмоциональной насыщенностью. В 9 проанализированных текстах, общий объем которых составляет 6354 слова, отрывки и словосочетания объемом в 2734 слова — 43,03% от общего текста — эмоционально окрашены и выражают страх, гнев или гордость, связанную с достижениями прошлого или с приверженностью ценностям и готовностью их отстаивать. Сильные эмоции используются для более активного погружения читателя и потенциального электората в новый контекст и для создания ассоциативной цепочки между переживаемой эмоцией и событиями, выраженными через эмотивы.

Доминирующей эмоцией в текстах ИНК об актуальной политике является гнев — им окрашены 1287 слов. За ним следует страх — 871 слово. На гордость приходится 576 слов: она позволяет смягчить страх, но не уменьшить воздействие гнева. При этом эмотивы, выражающие гордость, располагаются в заключительной части 7 из 9 рассмотренных текстов, в то время как использование эмотивов, с которых начинается текст, ситуативно и зависит от тематики. Это может свидетельствовать о структурирующей роли эмотивов, выражающих гордость, в эмоцио-

нальном режиме, который стремится формировать ИНК.

Ключевыми адресатами гнева являются БДП, ее лидер и действующий премьер-министр Н. Модии, отдельные решения, ассоциирующиеся с БДП — военная реформа, проект демонетизации, политика *laissez-faire* в отношении курса рупии [18]. Это способствует укреплению идентичности электората за счет эмоционально подкрепленного противопоставления Другому. Тем не менее, помимо противопоставления Другому, эмотивы, выражающие гнев, выполняют и интегрирующую роль: в тексте, посвященном самоубийствам фермеров в Пенджабе и аграрной политике в штате в целом, адресатом гнева наряду с БДП становится Партия простого человека [18]. Это создает дополнительную негативную ассоциативную цепочку в ответ на провоцирующие эмоции события и помогает структурировать образ политической реальности.

Образами, вызывающими энтузиазм, в текстах ИНК являются или абстрактные понятия, ассоциирующиеся с историческим прошлым Индии и за счет этого характеризующиеся как ее традиционные ценности — демократия, свобода, гармония, мир, всеобщность, гордость вооруженными силами, социальная защищенность — или историческое прошлое страны, непосредственно связанное с ИНК: борьба против британского империализма, учреждение *National Herald* Дж. Неру, В. Пателом и др. [18] Это выполняет двоякую функцию — создания подкрепленной позитивными эмоциями ассоциации с партией и конструирования исторической памяти, в которой ИНК занимала ключевую роль в становлении Индии как независимого государства, что формирует образ партии как создателя и легитимного транслятора «истинных национальных ценностей».

Идеологический компонент, а именно связка с социалистической идеологией, в текстах ИНК прослеживается слабо. Он сосуществует с конструиро-

ванием исторической памяти в контексте антиимпериализма как индийской ценности, с позиционированием ИНК как ответственной за международный мир партии, что можно трактовать как умеренный интернационализм. Это характеризует ИНК как зонтичную партию, стремящуюся к объединению представителей различных направлений левого фланга и, соответственно, опасующуюся острых конфликтов по идеологическим вопросам. Также это может быть связано как с реактивным характером рассмотренных текстов, которые нацелены на мобилизацию электората по конкретным информационным поводам, так и со стремлением ИНК максимально расширить свое влияние, с одной стороны, не становясь конкурентом в символической политике и риторике для своих союзников из более левых партий, с другой стороны.

Выводы

Таким образом, эмотивы выполняют в коммуникационной стратегии ИНК функции поддержания идентичности сторонников, что делается главным образом за счет противопоставления Другому в лице БДП, интегрирования в повестку и закрепления в ней новых проблематик, что выражается благодаря описанию инфоповодов в рамках единых принципов использования эмотивов, и стимулирования у потенциального электората сильных эмоций. Дополнительной функцией эмотивов в коммуникативной политике ИНК выступает конструирование исторической памяти, в которой партия занимала бы место учредителя и легитимного транслятора «истинных индийских ценностей». Это не только способствует поддержанию идентичности ее сторонников, но и в перспективе позволяет расширить их круг. Тем не менее, идеологический компонент, а именно связка с социалистической идеологией, в текстах ИНК прослеживается слабо.

Литература

1. Выборы в штате Уттар-Прадеш: правящая партия Индии укрепляет позиции // ИМЭМО. — URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/vibori-v-shtate-uttar-pradesh-pravyashtaya-partiya-indii-ukreplyaet-pozitsii> (дата обращения: 25.05.2023).
2. Коцур Г. Эмоции и международные отношения // Международные процессы. — 2021. — Т. 19, № 3(66). — С. 43–67.
3. Кулик Л. Индийский национальный конгресс: в борьбе за выживание и в поисках новой роли // РСМД. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiyskiy-natsionalnyy-kongress-v-borbe-za-vyzhivanie-i-v-poiskakh-novoy-rol-i/> (дата обращения: 18.06.2023).
4. Макарова Н.Н. Эмоциональный режим эпохи форсированной индустриализации (по материалам Магнитогорска) // Диалог со временем. — 2017. — № 60. — С. 238–256.
5. Перов С.С. Промышленные рабочие Кубани и Дона в 1920–1930 гг. Как «Эмоциональное сообщество» // Общество: философия, история, культура. — 2016. — № 4. — С. 90–93.
6. Шпомер Е.А. Речевая агрессия в современном политическом анекдоте // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. — 2017. — № 21. — С. 117–120.
7. Athique A., Parthasarathi V. Platform Capitalism in India. — Cham: Palgrave Macmillan, 2020. — 331 p.
8. Beattie A.R., Eroukhmanoff C., Head N. Introduction: Interrogating the 'everyday' politics of emotions in international relations // Journal of International Political Theory. — 2019. — № 15 (2). — P. 136–147.
9. BJP loses ally and government in politically crucial Bihar // The Hindu. — URL: <https://www.thehindubusinessline.com/news/national/bjp-loses-ally-and-government-in-politically-crucial-bihar/article65750799.ece> (дата обращения: 25.05.2023).
10. Dalgleish T., Power M.J. Handbook on Cognition and Emotion. — Chichester: John Wiley & Sons Ltd., 1999. — 842 p.
11. Demertzis N. Emotions of Protest. The Affect Dimension in Political Tension. — London: Palgrave Macmillan London, 2013. — 322 p.
12. Eklundh E. Excluding Emotions: The Performative Function of Populism // Partecipazione e Conflitto. The Open Journal of Sociopolitical Studies. — 2020. — № 1 (13). — P. 107–131.
13. Engelken-Jorge M., Güell P.I., del Río C.M. Politics and Emotions. The Obama Phenomenon. — Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011. — 191 p.
14. General Election to Vidhan Sabha Trends & Result May-2023 // Election Commission of India. — URL: <https://results.eci.gov.in/ResultAcGenMay2023/partywiseresult-S10.htm> (дата обращения: 25.05.2023).
15. Hall T.H., Ross A.A.G. Rethinking Affective Experience and Popular Emotion: World War I and the Construction of Group Emotion in International Relations // Political Psychology. — 2019. — № 40 (6). — P. 1357–1372.
16. Hutchison E. Emotions, Bodies, and the Un/Making of International Relations // Millennium: Journal of International Studies. — 2018. — № 2 (47). — P. 1–15.
17. Hutchison E. Trauma and the Politics of Emotions: Constituting Identity, Security and Community after the Bali Bombing // International Relations. — 2010. — № 1 (24). — P. 65–86.
18. Indian National Congress. — URL: <https://www.inc.in/> (дата обращения: 18.06.2023).
19. Khan F.B. The Game of Votes: Visual Media Politics and Elections in the Digital Era. — 1-st. — New Delhi: SAGE Publications, 2019. — 264 p.
20. Kinnvall C. Populism, ontological insecurity and Hindutva: Modi and the masculinization of Indian politics // Cambridge Review of International Affairs. — 2018. — № 3 (32). — P. 283–302.
21. Nandwani P., Verma R. A review on sentiment analysis and emotion detection from text // Social Network Analysis and Mining. — 2021. — № 11-1 (81). — Онлайн-версия URL: <https://doi.org/10.1007/s13278-021-00776-6> (дата обращения: 25.05.2023).
22. Ortega-Sánchez D., Blanch J.B., Pérez-González C. Emotions and Construction of National Identities in Historical Education // Educational Sciences. — 2020. — № 10 (11). — P. 1–12.
23. Reddy W.M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001. — 380 p.

24. *Richards B.* Emotional Governance. Politics, Media and Terror. — London: Palgrave Macmillan London, 2007. — 194 p.
25. *Rodrigues U.M.* Can Indian journalism survive the onslaught of social media? // *Global Media and Communication*. — 2019. — № 2 (15). — P. 151-157.
26. *Rosenwein B.H.* Emotional Communities in the Early Middle Ages. — Ithaca & London: Cornell University Press, 2006. — 228 p.
27. *Sziarto K.M., Leitner H.* Immigrants riding for justice: Space-time and emotions in the construction of a counterpublic // *Political Geography*. — 2010. — № 7 (29). — P. 381-391.